

Приазовский край. Ростов н/Д,

1897. 17 февраля. №45.

C.2.

ЖУРНАЛЬНЫЕ ОТГОЛОСКИ.

«Вл. Ив. Немирович-Данченко». А. Скабичев-ского. — «Большие герои большой литературы». Его же. — «В сумерках». Рассказ Л. Авеловой. — «Бабы». Рассказ И. Бунина. — «В чужом гнёзд». Роман К. Ельцовой («Новое Слово», декабрь-январь).

За последние три-четыре года наша художественная литература обогатилась несколькими новыми талантами, правда, не первоклассными по своим размерам, но все-же настолько значительными, что не прекращающиеся жалобы на литературное оскудение приходится признать преувеличенными и несправедливыми, по крайней мере по отношению к беллетристике. Этот факт, т.е. факт появления свежих дарований, отраден не только сам по себе, но еще в виду того обстоятельства, что пред нами — таланты вполне здоровые, жизнеспособные, оставшиеся, по счастью, вне влияния тех новых quasi-эстетических теорий, которые успели погубить уже несколько литературных сил при первом их появлении на свет Божий. Молодые беллетристы, о которых здесь идет речь, остались верными заветам наших великих художников слова. И благо им, — ибо, только оставаясь верными этим заветам, они, эти молодые беллетристы, не заруют в землю своих талантов, будут развиваться, крепнуть и в конце концов займут в истории отечественной литературы, может-быть, скромное, но несомненно почетное место, в то время как их оригинальничавшие сверстники — проводники новых эстетических теорий — будут, разумеется, забыты даже раньше, нежели они оставят литературную арену. Во всяком случае, как не велико сравнительно их число и как ни крикливы они, но не их придется и приходится считать главными представителями нашей новейшей беллетристики, а таких писателей, как, например, гг. Влад. Немирович-Данченко, И. Бунин,

Немировский, Куприн, Вересаев, Горький, г-жа Авилова или как, например, К. Ельцова, которая, — кажется, в качестве первого своего дебюта, — печатает на страницах «Нового Слова» большой роман «В чужом гнёзд», сближающий в авторе наличность художественного дарования и притом правильно направленного. Мы могли-бы значительно увеличить перечень новейших беллетристов, обладающих более или менее значительными художественными способностями и вместе с тем серьезно, честно и вполне правильно утилизирующих эти свои способности, но думаем, что и перечисленных имен достаточно для нашей ближайшей цели: показать читателю, что при оценке и характеристике нашей беллетристики последнего времени нельзя считать не только единственными, но даже главными ее представителями таких взвинченных, болтливых поклонников курьезной эстетической теории, как хотя-бы г-жа Гиппиус или г. Сологуб, и что поэтому вряд-ли уместно называть нашу новейшую беллетристику «больной», как это делает уважаемый критик «Нового Слова» А. М. Скабичевский в своих последних двух статьях.

Делая обзор беллетристических произведений последнего времени и останавливаясь на рассказах и повестях гг. Сологуба, Чехова, Куприна, г-жи Гиппиус и Влад. Немировича-Данченко, которому посвящена первая из упомянутых статей, маститый критик подчеркивает то обстоятельство, что «выит беллетристика имет дело почти сплошь с героями, лишенными всякого образа и подобия Божия, мало того, что нервно-развинченными и ни на что не способными тряпичными, но безнадежными неврастениками, психопатами, а порою совсем умалишенными или умозгугленными... Куда-бы вы ни взглянули в современной нам беллетристики, всё подряд рисуют намь одних и тот-

же тонь безхарактерного неврастеника и безвольного психопата, а порою и совсем маномана, как главного героя нашего прекрасного времени». Далее г. Скабичевский заявляет, что перед нами не случайное, конечно, явление, а как нельзя более знаменательное. Офицеры, Чацкий, Рудин, Райский — каждый из них был представителем своего времени, а представителем и выразителем нашей современности является, по мнению почтенного критика, психопатический герой современной беллетристики.

Прежде всего намь кажется, что А. М. Скабичевский слишком сгущает черные краски: вовсе уж не такое сплошное изображение разного рода больных и болтливых субъектов представляет наша теперешняя беллетристика. В ней — и даже в произведениях тех авторов, о которых говорит г. Скабичевский — рядом с больными, взвинченными героями встречаются и личности более или менее, или даже вполне здоровые, сильные духом, деятельные, жизнерадостные, — тания, словом, личности, которые, во всяком случае, стоят не ниже Райских или Рудинских. Например, у г. Влад. Немировича-Данченко, особенно настойчиво рисуящего разного рода болтливых и безвольных героев, вы встретите персонажей, не имеющих в себе ничего ровно болтливости или даже надменности недюжинной силой характера. Сам г. Скабичевский, останавливаясь на одном из таких сильных духом героев г. Немировича-Данченко — на Лукомом из «Драмы за сценой», — с которой мы своевременно познакомили наших читателей, — замечает о нем, между прочим: «Мы видим его (Лукаго) в продолжение всей повести простым, скромным, без малейшей заносчивости и самолюбия, но в то же время полным, всецело преданным любимому искусству и не жертвующим своим призванием никаким посторон-

Приазовский край. Ростов н/Д,

1897. 17 февраля. №45.

С. 2.

нимъ цѣлымъ, влеченіямъ или внушеніямъ... Не могли поколебать его въ намѣреніи отдаться своему искусству (сценическому) и страшныя сцены голода, который пришлось испытывать всей труппѣ, вслѣдствіе равнодушія къ театру городской публики. Эта непоколебимая сила характера не замедлила принести свои плоды и въ концѣ концовъ сдѣлала Луцкаго побѣдителемъ». Но дѣло, впрочемъ, не въ этомъ. Допустимъ, что г. Скабичевскій не впадаетъ въ преувеличеніе, не ошибается, настаивая, что новѣйшая художественная литература только и дѣлаетъ, что изображаетъ разнаго рода ненормальныхъ субъектовъ. Но что-же изъ этого слѣдуетъ? Можно ли тогда, въ виду только многочисленности болѣзненныхъ героевъ, и самую литературу, изображающую такихъ героевъ, признавать ненормальной, стоящей не на высотѣ своихъ задачъ и своего призванія, — признавать, словомъ, «больной литературой»? Думаемъ, что этотъ фактъ даетъ еще слишкомъ мало основаній для такого жестокаго обвиненія. Вѣдь литература должна отражать въ себѣ дѣйствительность со всеми ея характеристичными и знаменательными явлениями. Кто-бы ни явился представителемъ, героемъ данной эпохи, какъ-бы онъ ни былъ антипатиченъ, но современная ему литература должна его воспроизводить, анализировать, разъяснять. Въ этомъ — ея прямая обязанность. А вѣдь, по заявленію самого г. Скабичевского, «психопатическій герой современной беллетристики служить представителемъ и выразителемъ нашей доблестной эпохи». Значитъ, современная художественная литература, если-бы и захотѣла, то не въ правѣ была бы отказываться отъ изображенія этого представителя нашего доблестнаго времени; значитъ, далѣе, если теперешнюю беллетристику позволительно упрекать за ея пристрастіе къ болѣзненнымъ героямъ, позволительно называть «больной литературой», то съ такимъ-же точно правомъ

можно назвать пошлыми и глупыми произведенія, напримѣръ, Гоголя или Шедрина, ибо и въ нихъ являлся громадное число пошлыхъ и глупыхъ героевъ. Но, конечно, произведенія этихъ знаменитыхъ художниковъ только въ томъ случаѣ являлись-бы пошлыми, если-бы авторы возводили своихъ героевъ въ перлъ созданія, если-бы они старались выставить своихъ Собакевичей, Ноздревыхъ, Хлестаковыхъ, Подхалимовыхъ, Гудушекъ въ качествѣ положительныхъ типовъ. Равнымъ образомъ и наша новѣйшая литература только при томъ условіи заслуживала-бы эпитета «больная», если-бы авторы восторгались своими болѣзненными героями и, именно въ виду ихъ болѣзненности, представляли-бы разныхъ современныхъ психопатовъ какъ людей, жизнь и поступки которыхъ достойны подражанія. Но вѣдь въ дѣйствительности этого мы, къ счастью, не видимъ. Можно даже сказать, что наши молодые беллетристы излишне увлекаются въ противоположную сторону, т.-е. относятся съ чрезвычайной строгостью къ изображаемымъ ими разнаго рода болѣзненнымъ героямъ. Имѣются, правда, среди этихъ молодыхъ беллетристовъ и нѣсколько такихъ, — какъ, напримѣръ, г. Жа Гипшусъ и г. Сологубъ, — которые, по справедливому замѣчанію г. Скабичевского, «обнаруживаютъ явное намѣреніе представить въ бредѣ (своихъ психопатовъ-героевъ) какое-то философское откровеніе, внутренній символическій смыслъ, мистическія бездны и стараются при этомъ увѣрить васъ, что въ грезахъ безумія скорѣе и вѣрнѣе можно постигнуть истину, чѣмъ въ ученѣйшихъ трактатахъ мудрецовъ всѣхъ вѣковъ». Но такихъ несчастныхъ и въ то-же время курьезныхъ писателей не такъ ужъ много и, во всякомъ случаѣ, не они задаютъ тонъ теперешней беллетристикѣ. Если-бы г. Скабичевскій, разсуждая о «современной больной литературѣ», имѣлъ въ виду только этихъ жалкихъ беллетристовъ,

то его можно было-бы упрекнуть только за то, что онъ незаконно обобщаетъ явленіе и вообще слишкомъ преувеличиваетъ его значеніе, а сами разсужденія его оставались-бы вполнѣ вѣрными. Но въ томъ-то и дѣло, что критикъ «Новаго Слова» не только г-жу Гипшусъ, г-на Сологуба и подобныхъ имъ господъ считаетъ представителями современной больной литературы, но и гг. Чехова, Куприна, Вл. Немировича-Данченко и вообще всю литературную молодежь.

Начиная вторую изъ упомянутыхъ статей, озаглавленную «Больные герои больной литературы», г. Скабичевскій замѣчаетъ: «Настоящее мое письмо совершенно случайно и неправомерно является какъ бы продолженіемъ и дополненіемъ статьи о Вл. Ив. Немировичѣ-Данченко, напечатанной въ предыдущей книжкѣ «Новаго Слова». Впрочемъ, обстоятельство это какъ нельзя болѣе естественно; иначе и быть не могло, такъ какъ къ какой-же иной литературѣ принадлежитъ Вл. Ив. Немировичъ-Данченко, какъ не къ нашей современной, *больной*, и о чемъ-же была въ означенной статьѣ рѣчь, какъ не о томъ, что всѣ (?) герои его — люди ненормальные и нравственно больные. Намъ-же только и остается теперь перейти къ ряду другихъ современныхъ намъ беллетристовъ и показать читателю, что въ произведеніяхъ ихъ встрѣчаются герои по своей болѣзненности и ненормальности не уступающіе героямъ только-что разобранаго писателя».

«Не уступающіе героямъ только-что разобранаго писателя», т.-е. г. Немировича, — это значитъ, что послѣдній, по мнѣнію г. Скабичевского, типичный и яркій представитель «больной литературы», — до такой степени типичный и яркий, что почтенный критикъ находитъ удобнымъ сравнивать съ нимъ другихъ писателей. А между тѣмъ тотъ-же г. Скабичевскій рекомендуетъ того-же г. Немировича-Данченко, принадлежащаго «къ

Приазовский край. Ростов н/Дону.

1897. 17 февраля. №45.

С.2.

нашей современной, большой литературы», въ такихъ теплыхъ выраженьяхъ: «Г. Немировичъ-Данченко представляетъ собою нѣчто весьма симпатичное и заслуживающее полного уваженія, какъ, съ одной стороны, вслѣдствіе непреклонной вѣрности разѣ избранному пути и пути къ тому-же вполне правильному и цѣлесообразному, такъ, съ другой стороны, вслѣдствіе трезваго сознанія своихъ творческихъ силъ и умѣнья употреблять ихъ съ пользою, но вмѣстѣ съ тѣмъ и не зарывая въ землю своего таланта». Далѣе критикъ заключаетъ, что, не обладая талантомъ первостепенной величины, г. Немировичъ-Данченко и не пытается создать что-нибудь грандіозное, изъ ряда вонъ выходящее, — онъ далекъ отъ всякихъ реформаторскихъ пополюновеній и не имѣетъ ничего общаго съ тѣми оригинальничавшими молодыми беллетристами, которые пытаются удивить міръ какой-то «новой красотой». Онъ пишетъ просто, безъ затѣй, безъ всякихъ вычурностей, пишетъ такъ, какъ позволяютъ ему размѣры его таланта. Затѣмъ г. Скабичевскій указываетъ на то обстоятельство, что въ произведеніяхъ г. Немировича-Данченко мы имѣемъ дѣло не съ одною только психо-физиологіею любовныхъ влеченій, а съ серьезнымъ вопросомъ о самомъ дѣлѣ жизни героевъ, о нравственной состоятельности его въ томъ общественномъ призваніи, къ которому онъ чувствуетъ неудержимую склонность. Заканчивая свою статью, г. Скабичевскій говоритъ, что въ произведеніяхъ этого талантливаго беллетриста проходитъ красною нитью одна и та-же идея. «Идея эта какъ нельзя больше проста и элементарна, и ее можно формулировать слѣдующимъ азбучнымъ способомъ: какъ-бы ни былъ одаренъ человѣкъ большимъ талантомъ, одного этого таланта мало; необходима сверхъ того сила воли, характеръ для борьбы съ препятствіями и для усиленнаго труда съ цѣлью развитія врожденныхъ силъ». Мож- /...